

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ТАТЬЯНА УСТИНОВА

ПЯТЬ ШАГОВ
ПО
ОБЛАКАМ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж
«Доходный дом Ратькова-Рожнова» (2013 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Пять шагов по облакам / Татьяна Устинова. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. —
(Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-699-90051-0

Когда Бог спит, черт не дремлет. Знаменитая писательница детективов Мелисса Синеокова не хотела ехать в Питер на съемки. Не отпускала любимая работа и ссора с обожаемым Васькой. Неужели все кончено?! Да тут еще объявилась зловещая тень из прошлого — лидер партии «Россия Правая» Герман Садовников. По-прежнему шикарный, широкий и высокий и все такой же гнусный негодяй. Мелисса и Герман повздорили не на шутку, разговор закончился взаимными угрозами. А чуть позже Садовникова застрелили. Что ж, поделом мерзавцу! Но радоваться рано: Синеокову похитили, как в самом дурном сне. А спасти ее сможет только прекрасный принц Васька. Только вдруг он ушел навсегда?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2016
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90051-0

— И самое последнее, — сказала начальница и переложила на столе бумаги слева направо.

В правой стопке бумаг было намного больше, чем в левой, и это означало только одно — совещание заканчивается. Все шевельнулись было и снова замерли как замороженные. Шевелиться раньше времени дело опасное по многим причинам. *Сама* могла рассердиться и начать язвить, и не было ничего хуже для сотрудников, чем ее язвительность. Никогда не известно, куда она может завести! Бывали случаи, люди увольнялись, если начальницу уж слишком заносило!

— Завтра утром я улетаю в Петербург на встречу с Садовниковым. Вернусь вечером, и мы сразу проведем еще одно совещание по результатам этой встречи. Возможно, она многое изменит в сегодняшней расстановке сил. Я прошу начальников отделов быть к этому готовыми. Уважаемые господа начальники, вы все меня слышали?

Господа вразной покивали, но настырная главная редакторша еще и каждому в лицо посмотрела, как бы зафиксировала взглядом, что все «слышали».

— Андрей Борисыч, ты меня слышал?

Андрей Борисыч выглянул из-за высокой спинки чужого кресла и сурово кивнул. Он чудесно устроился — все совещание черкал в блокноте, хмурил брови и пытался своей ногой настигнуть под столом ногу Та-

милы Гудковой, возглавлявшей отдел «Business-леди». В редакции поговаривали, что Гудкова спит с Константиновым, основным фаворитом главной редакторши, но никто особенно в это не верил. Кто же в здравом уме и твердой памяти решится крутить амурсы под носом у волчицы, которая считает тебя своей собственностью?!

В блокноте Андрей Борисыч черкал стишата, которые в процессе совещания «рождались у него в голове». Была у него некая тайная думка, когда всех выпустят на волю, показать стишата Гудковой — вдруг оценит, вдруг поймет?.. Все совещание он сочинял и согревал себя приятной мыслью о пораженной в самое сердце Гудковой, и грезилось ему, как в курилке, в облаках табачного синего дыма вдруг вспыхнут изумлением ее фиалковые глаза, и удивленно дрогнут всегда такие неприступные губы, и, оглянувшись по сторонам, она скажет смущенно: «Зачем вы так, Андрюша?..» — и протянет блокнотик, и вечером они пойдут гулять на Патриаршьи пруды, а вокруг Малая Бронная, подсвеченная тусклыми огнями магазинчиков и темнеющая куртинами старых московских лип, и...

Глаза у нее никакие не фиалковые, конечно, а неопределенного, то ли серого, то ли карего, цвета. Неприступные губы он тоже выдумал — губы как губы, так себе, ничего необычного. И гулять с ней некуда — как только рабочий день заканчивался, она в ту же минуту садилась в свою машину, и фьюи-ить, нет ее.

Но красиво, красиво, черт побери, особенно вот это, про куртины старых московских лип — какво? Скажете, нет образа? Конечно, есть, вот он, образ: так и видится кривая московская улочка, пахнувшая нагретым за день асфальтом, липовым цветом и горячей едой из закусочной, девушка на тоненьких каблучках, «мулатка, просто проходящая», и он, белеющий в темно-

те рубахой, с распушенным галстуком, закатанными рукавами, перекинувший через плечо свой пиджак и ее сумочку, и...

— Але!! Станция?! Барышня, дайте Смольный! Смольный дайте, барышня!

Тут Андрей Борисыч так струхнул, что даже блокнотик уронил, листочки разлетелись. Он сунулся их собирать, а Гудкова, из-за которой он так размечтался, даже не помогла, только ногу подвинула, тоненький каблучок цапнул пол.

Главная, когда Андрей Борисыч вылез, смотрела ему прямо в глаза и впрямь как волчица, не отрываясь и не моргая.

— Да-да, — сказал он растерянно, и Константинов, ее фаворит, отчетливо хмыкнул. — Я все понял.

— Что ты понял, Андрей Борисыч? Повтори!

— Завтра вечером совещание, после того, как вы из Питера вернетесь, а от него многое зависит...

— Послал бог сотрудников! — сказала главная весело. — Не от совещания зависит, горе мое, а от нашей встречи с Садовниковым! И пусть только кто-нибудь попробует совещание продинамить! Уволю без выходного пособия!

— А отдыхать-то когда, если круглые сутки работать? — спросил Константинов и покрутил ногой в дикинном остроносом ботинке.

— Отдыхать будете в Пицунде, — отрезала начальница. — В Москве все работают. Если мы проштудировали все вопросы, то я никого не задерживаю. Всем спасибо, все свободны.

Команда вразнобой поднялась и, на ходу разговаривая, потянулась к двери. Волчица из своего логова наблюдала за исходом, а потом, конечно же, сказала мюллеровским голосом:

— А Константинова и Полянского я попрошу остаться!

— Вау! — под нос себе пробормотал начальник компьютерного отдела Бэзил Gotten Пивных. — Западло! Облом, блин!

Великие программисты в редакции газеты «Власть и Деньги» имелись в количестве двух штук. Вышеупомянутый начальник отдела Бэзил Gotten Пивных и его заместитель по имени Алекс Killer Кузьяев.

Неизвестно, кто и когда внушил пацанятам, что они не просто крутые «юзеры», а самые что ни на есть натуральные хакеры и «программеры» высочайшего уровня, но они в это свято верили. Их не разубеждали, во-первых, потому, что никому особенно не было до них дела, а во-вторых, потому, что с версткой и дизайном они более или менее справлялись. Кроме того, вносили во «взрослую», «политическую» редакцию приятное разнообразие — шикарно пили пиво и еще какие-то напитки под названием «натуральный солод», говорили непонятными до ужаса словами, время от времени «проводили атаки» на чью-нибудь почту, и вдруг компьютер через слово начинал прибавлять «твою мать», такая потеха!.. К примеру, вот письмо главной в хозяйственную службу: «Уважаемая Анна, твою мать, Петровна! Прошу, твою мать, вас выделить, твою мать, дополнительные компьютеры, твою мать, для обеспечения, твою мать, отдела...» — и так далее. Крутые «программеры» выли от смеха, давились «натуральным солодом» и бились головой «в клавишу» — компьютерные клавиши. Иногда им неожиданно удавалось избавить редакционные компьютеры от залетного вируса — это называлось «лечить комп от вирусов». Для этого писались «проги» — программы — и обсуждались в курилке специальными солодово-программистскими голосами.

Главная редакторша называла их бандерлогами и после долгих препирательств разрешила даже в список редакции вписать имена именно так, как им хотелось, — с «никами». Это было смешно и тоже вносило разнообразие во взрослую жизнь.

А то что такое?!

Вот, к примеру, Валерия Любанова, главный редактор. Александр Константинов, креативный директор. Роман Полянский, первый заместитель главного редактора, — скукота, скукотища!..

А тут — бац, получи, фашист, гранату: Бэзил Gotten Пивных, Алекс Killer Кузяев! Пивных в прошлой, докомпьютерной, жизни именовался, ясное дело, Василий, а Кузяев крещен был Алексеем, но какое это имеет значение! Девчонки падали замертво, а, может, бандерложкам казалось, что замертво, но, во всяком случае, просто Пивных и Кузяев никогда не добились бы такой популярности в массах, как Gotten и Killer!

У них были простецкие юношеские физиономии, круглые головы, несколько облагороженные определенным вольтерьянством в виде чубов и косичек. На совещаниях они в основном помалкивали, потому что «взрослые» в большом количестве их пугали, и, завидев в коридоре Валерию Алексеевну, они, бывало, срывали с вольтерьянских лбов высокохудожественно-креативные банданы и пихали их в карманы — вот бандан на своей территории главная решительно не допускала! Они очень любили слово «пенис» и страшно гордились собой, когда лихо его произносили, обращались друг к другу «сын мой» и все в той же курилке втолковывали тем, кто соглашался их слушать, что они «вовсе безбашенные и по молодости творили черт знает что, потому не следует считать их пай-мальчиками и покладистыми котятами».

— Вася! — нежно позвала главная Бэзила Gotten Пивных. — Ты что-то имеешь мне сказать?

Gotten Пивных, который ничего не имел сказать, завел глаза к потолку и выдал что-то в том смысле, что «должен срочно валить, потому что второй сидок опять не пашет».

— Ну, понятно, — согласилась Валерия Алексеевна, которой всегда удавалось держать своих бандерлогов в некотором подобии сознания, — тогда обломись, все высказывания в мой адрес за дверью, пожалуйста.

Бэзил моментально подался к двери и проворно выскочил, чуть не столкнув с пути секретаршу Марьяну, которая направлялась в кабинет главной с кофеем и какими-то шоколадными бирюльками в кружевных бумажках.

— Черт! — не по-секретарски выразилась Марьяна. Кофе из высокого стеклянного кофейника плеснул на белоснежную салфетку. Придется теперь все менять, не подавать же так, с коричневыми неприличными следами!

— Марьяш, мне чаю, я кофе не потребляю, ты не забыла? — попросил выглянувший из-за стеклянной двери Константинов и улыбнулся ей. Она моментально расцвела в ответ такой улыбкой, какой никогда не улыбалась Бэзилу Gotten Пивных, и кивнула так, что золотое сияние прошло по волосам.

Вот почему, почему в жизни все так несправедливо?! Вот встретится прикольная девчонка, супер просто, только заценишь, только начнешь клинья подбивать, а тут какой-нибудь папик, вроде этого Константинова, — и готово дело, нет девчонки! На тебя ноль внимания, как будто в природе не существуешь, а папику все, что хочешь, включая свою бессмертную душу и трепетное тело! А из-за чего?! Из-за того, что у него тачка крутая, что ли, или рубаха белая с брилли-

антовыми блюдцами на запястьях?! Измельчал народ, ох измельчал, и девчонки измельчали! Подавай им богатеньких папиков вместо нормальных ребят!..

Марьяна торопливо меняла салфетку и на Бэзила Gotten даже глаз не поднимала. Он потоптался рядом, вытащил из кармана диковинный телефон на длинной цепочке и покрутил его, как Том Сойер дохлую крысу.

Телефон впечатления не произвел.

— Чего тебе, Вася? — спросила Марьяна таким тоном, каким воспитательницы в детском саду вопрошают воспитуемых, если те подолгу таращатся на них, сунув палец в рот. — Кофейку налить?

На столе, среди бумаг, полупустых, сверстанных наспех полотен и записных книжек, зазвонил мобильный телефон, засиял разноцветными лампочками, и бумаги задрожали и поехали. Марьяна покосилась на аппарат, но отвечать не стала — вот как торопилась чай Константинову подать!

— У тебя труба звонит.

— Я вижу, Вася. Помоги мне, пожалуйста.

Она снова подняла поднос и улыbnулась — *эта* улыбка из серии: «Чего тебе, мальчик?» не шла ни в какое сравнение с той, адресованной папику.

Бэзил Gotten Пивных, начальник компьютерного отдела, подскочил и открыл перед ней стеклянную дверь. Марьяна зашла, и тяжелая дверь медленно и лениво захлопнулась за ней. Бэзил только успел расслышать фамилию Баширов и еще опасное слово «компромат».

Впрочем, нам-то что за дело? Они, «ламеры недопатченные», то бишь недоумки отсталые, небось думают, что делом занимаются, а на самом деле протирают свои штаны, за которые кучу бабла отвалили, насиживают геморрой, на что только девчонки покупаются, загадка!..

Вернулась Марьяна с пустым подносиком, снизу вверх кивнула Бэзилу головой и уселась на место. Он еще потоптался. Ему хотелось куда-нибудь ее пригласить.

— Слушай, ты это!..

— Что?

— Ты по вечерам тусишь или как?..

Секретарша редакции, бывшая — он смотрел в личном деле, расковырять комп отдела кадров заняло пять секунд, — на два года моложе его, смотрела как-то слишком жалостливо, с сочувствием и пониманием, словно он идиотик, по случаю откосивший от клиники.

— Вася, что ты хочешь узнать?

Бэзил Gotten Пивных хотел пригласить ее на кружку пива в соседний скверик, и больше ничего он не хотел узнавать! Ну, можно на чашку молока в кафе «Сапоги да гвозди», тоже нормальное место. Там полно своих, и завалить туда с клевой девчонкой было бы шикарно, ах как шикарно!

— Ты это, слушай!..

— Что?

Телефон у нее опять зазвонил, и она опять не взяла трубку.

— Слушай, — в третий раз начал он свое романтическое приглашение, но язык внезапно перестал повиноваться и без всякого согласования с мозгом и желаниями хозяина вдруг понес то, что было для него привычней: — А хочешь, я твою трубу спарю с другой трубой, а?

Марьяна помолчала.

— Для чего... спаришь?

Ответа на этот вопрос начальник компьютерного отдела не знал.

— Не, — сказал он растерянно, — это же по прико-

лу, да? Напер кучу халявной инфы, надо только следить, чтобы не подпалил никто, но это я того... проследжу. — И с надеждой: — Хочешь?

Марьяна, будь она неладна, не хотела никакой «халявной инфы», а хотела, как пить дать, в «мерине» папика покататься или что там у него?.. «Бумер», что ли?.. И плевать ей было на то, что Бэзил Gotten не просто там какой-нибудь «юзер», а нормальный чувак с мозгами!

Стоять рядом с ней дальше было решительно незачем, и «нормальный чувак с мозгами» побрел к двери в приемную, загребая разъявленными кроссовками светлый ковролин.

Ну ничего! Завтра они с Лехой, то есть, пардон, с Алексом, непременно валят в Питер на тусу, и там, конечно же, будут обалденные девчонки, про Марьяну он и думать забудет!

Не, а по приколу, если они там посреди улицы — есть там у них улица какая-то, вроде нашей Тверской, черт, как же ее?.. — вот если они посреди этой улицы начальницу словят?! Нет, ему, Бэзилу, она вообще глубоко фиолетова, но порешили же ей ничего не говорить, потому что, кроме попойки в компьютерной тусовке, у них с Лехой — ой, то есть с Алексом, Алексом, как же это запомнить-то?! — есть важное дело.

Некий неизвестный, тоже, видать, папик, захотел программу, такую особенную, обещал заплатить хорошо, а кто же от такого откажется?!

Договаривался Ле... Алекс, Алекс договаривался, и по условиям зачем-то нужно хреначить в этот самый Петербург, а туда же — на тебе! — начальница мылится! Вот идут они по улице, которая у них вместо Тверской, и Любанова выкруливает, то-то видок у нее будет! Говорят, городок-то маленький, не Москва-столица!.. Бэзилу от этих мыслей было немного неуютно, как и

от предстоящей работы — все-таки он никогда и ничего не взламывал... за деньги. Все больше для собственной чистой радости, кроме того, среди «программеров» неприлично платить за время в сети, гораздо приличней у лохов натырить! У лохов он тырил, а по заказу, да еще незнамо что... нет, никогда. Может, от этого-то он и чувствует себя проституткой, а не тем, кто он есть на самом деле, — продвинутым «программером»! А может, от того, что Марьяна смотрела так жалостливо!

Впрочем, печалиться некогда.

Бэзил Gotten Пивных со странным тяжелым чувством покинул приемную главного редактора Валерии Алексеевны Любановой, и если бы кто-нибудь сказал ему, что это чувство называется интуицией, и это именно она, интуиция, подсказывает ему, Бэзилу, что не надо ездить ни в какой Питер, и телефон того, кто предложил им легких денег за странную программу, тоже хорошо бы забыть навсегда, а компы, в которых номер остался, свести на городскую свалку и порубить там топором в мелкий винегрет, Бэзил бы ответил этому кому-нибудь, что он ламер последний!

— Говорят, Баширов очень нашим заказом интересуется.

— Откуда такие сведения поступили?

Лера Любанова завела глаза к потолку и вверх, в направлении потолка, помотала головой, как будто сведения поступили непосредственно с небес.

— Из Лондона.

— Ты общалась?.. — непонятно спросил Константин, и Лера кивнула. Роман Полянский провел в блокноте длинную черту, словно подытожил нечто важное, хотя ничего такого он не итожил и с неудовольствием отвернулся в сторону.

Странный вопрос Константинова он отнес на свой счет и немного обиделся. Такой вопрос мог задать только «посвященный» или особо приближенный, и, задавая его, Саша будто демонстрировал перед Романом свою близость к сильным мира сего.

Сильные — это Лера Любанова, рядышком, и Владимир Сосницкий, в отдаленной лондонской ссылке.

— Он сказал, что Садовников наверняка обращался и к Боголюбову тоже, но что-то у них не...

— Не срослось, — подсказал Константинов.

— Не сложилось, — не приняла подачу Лера, не любившая жаргон. — Боголюбов не дурак, чтобы такие вещи ни за что ни про что упускать. Кроме того, по слухам, за ним Баширов, который с нашим с незапамятных времен на ножах. Саш, я тебя прошу, пока меня не будет, ты пригляди за ребятами, чтобы они не наворотили чего не надо!

— Тебя не будет только один день.

Константинов очень не любил неясных поручений.

Он креативный директор, он придумывает оформление, дизайн, у него в подчинении пиар-служба, реклама и все такое, он не может «приглядывать» за отделами и за пишущей братией. Даже если возьмется ненароком, пошлют они его к черту — и будут правы!

— Нам очень важно, — говорила между тем Лера, — чтобы до подписания бумаг никакие сведения не просочились в прессу. Особенно во вражескую.

— Что есть вражеская пресса? — подал голос переставший обижаться Роман Полянский.

— Все, кроме нас! — провозгласила Лера. — Есть только мы, и больше никого! Надеюсь, это как раз понятно, мальчики?

Мальчикам все было понятно.

Грядущие президентские выборы — вот что забо-